

Франуса Мересс

О БУДУЩЕМ МУЗЕОЛОГИИ: несколько замечаний к русскому изданию диссертации Петера ван Менша

Думать о музеологии – это совсем не то же самое, что думать как музеолог. Музеологическое мышление Петера ван Менша всегда впечатляло меня и казалось естественным продолжением его сильной и страстной личности (еще до защиты диссертации им было опубликовано несколько влиятельных статей, см., напр.: van Mensch в: van Mensch ed. 1989, Pearce ed. 1991). В то же самое время, он еще в 1980-е гг. был одним из немногих, кто думал о музеологии как научной дисциплине. Конечно, к моменту нашей с ним первой встречи в начале 1990-х гг. я уже читал вышедшую в 1989 г. книгу «La muséologie selon Georges Henri Rivière» знаменитого французского музеолога Ж. А. Ривьера. Но меня несколько обескураживали концептуальные рамки этой дисциплины, которая, хотя и называлась «прикладной наукой», на деле оказывалась скорее собранием отдельных комментариев по истории музеев, связанных с ними исследований и их отношениями с публикой.

П. ван Менш прекрасно знает музейную сферу. В начале своей карьеры он работал в нескольких музеях, самым значительным из которых был, вероятно, Национальный музей естественной истории в Лейдене, где Петер отвечал за экспозиционно-выставочную деятельность и образовательные программы. В 1982 г. он начал преподавать в Академии Рейнварта (позднее объединенной с Амстердамской школой искусств). Он был глубоко предан своей преподавательской деятельности и своим студентам, но в то же самое время всегда помнил о музеологии как дисциплине, которая должна была стать основой для подготовки музейных специалистов. С самого начала многие его курсы были посвящены теоретической музеологии. Будучи членом ИКОМ он вошел в состав Международного комитета по музеологии (ИКОФОМ) и активно публиковался в его изданиях. В 1989 г. он сменил Виноша Софку на посту президента этого комитета.

ИКОФОМ, основанный в 1977 г. по инициативе Яна Елинека, который и стал его первым президентом, был центральной платформой для международных дискуссий о роли музеологии и послужил решающей силой для превращения ее в подлинную академическую дисциплину. В то время Европа все еще была разделена на два блока: Восток и Запад предлагали противоположные модели экономического и политического развития. Контакты между восточноевропейскими и западноевропейскими музеями были редкостью, поэтому для многих западных профессионалов огромной неожиданностью оказалось, что по ту сторону железного занавеса разрабатывались в высшей степени оригинальные подходы к пониманию сущности и задач музеев. Ряд западных специалистов был просто поражен идеями таких ученых, как Авраам Разгон (СССР), Клаус Шрайнер (ГДР), Анна Грегорова или Збынек Странский (ЧССР). Особенно сложно принять их идеи было англо-американским ученым, например, Джорджу Э. Баркоу (см., напр.: *Museological working papers*, 1980, 1; 1982, 2). Другие же, как, например, французский куратор Андре Девалье, а чуть позже и некоторые латиноамериканские музеологи, искренне заинтересовались новыми подходами к пониманию музеологии. Вскоре после начала своей карьеры в Академии Рейнварта, П. ван Менш присоединился к этой группе музеологов. В 1983 г. вместе с двумя другими голландскими коллегами, Пиетом Поу и Францем Шотеном, он пред-

ставил доклад на лондонский симпозиум ИКОФОМ, посвященный проблеме «Методология музеологии и профессиональная подготовка». Тогда же впервые доклад на симпозиум ИКОФОМ прислал и югославский музеолог Иво Мароевич (1937 – 2007 гг.). Будучи профессором музеологии в Загребском университете, И. Мароевич разделял обеспокоенность П. ван Менша – да и большинства других членов ИКОФОМ – необходимостью формирования основ музеологии как научной дисциплины. Но, в отличие от других, он считал ее одной из «информационных дисциплин» (так, как они развивались тогда в югославских университетах). Петер решил писать диссертацию под руководством И. Мароевича.

Диссертация П. ван Менша «К методологии музеологии» была защищена в Загребском университете в 1992 г. Хотя никогда и не публиковавшаяся отдельной книгой, несколько лет спустя она была отредактирована самим Петером и размещена на веб сайте Академии Рейнварта¹. На самом деле книга И. Мароевича «Введение в музеологию: европейский подход», опубликованная в 1998 г., была написана под таким влиянием идей П. ван Менша (он цитируется там на каждой второй странице), что сложно сказать: кто из ученых чьей работой руководил или кто на кого больше повлиял. Возможно, Петер считал, что публиковать свою диссертацию после того, как опубликована монография И. Мароевича, уже необязательно. На мой взгляд, однако, его текст остается основополагающим для верного понимания музейной работы и постижения сущности музеологии, кроме того, он предлагает и определенное руководство для возможного развития данной дисциплины в будущем.

Бабушология и музеология

П. ван Менша можно назвать первым «глобальным» читателем музеологической литературы в современном музейном мире. Знание нескольких языков вместе с широкими международными контактами дали ему возможность познакомиться с таким количеством специализированной литературы, которое было просто недоступно другим музеологам и музейным кураторам. Именно благодаря этому ему удалось предложить органический синтез наработок «восточноевропейской», «французской или латинской» и «англо-саксонской» школ.

Хорошо известно, что термин «музеология» не слишком часто используется в Северной Америке или Великобритании, где предпочитают говорить о «музейных исследованиях» (museum studies) или «музейном деле» (museum work). Это различие существенно, т.к. претензии музеологии на статус научной дисциплины вызывают лишь презрительную усмешку со стороны многих профессионалов и преподавателей музейных исследований. Как сформулировал это один из специалистов: «Если музеология, то почему не бабушология?» (Washburn 1967). Кеннет Хадсон однажды заметил: «Музеология не является и не может являться наукой, не больше чем обучение или кулинария, любая попытка доказать обратное – глупа, ошибочна и непорядочна» (Hudson в: Stránský ed. 1997, p. 108).

На самом деле вопрос о музеологии как научной дисциплине поднимался и обсуждался неоднократно на протяжении примерно дюжины лет после основания ИКОФОМ. Предлагаемые ответы варьировались от сугубо догматических утверждений о предполагаемом научном статусе музеологии, с одной стороны, до полного отрицания самой

¹ Сейчас эта версия недоступна, но несколько другой вариант можно найти на сайте Информационного центра эстонских музеев: http://www.muuseum.ee/en/erialane_areng/museoloogialane_ki/p_van_mensch_towar (ссылка последний раз проверялась 21.04.2014 г.).

возможности достижения такого уровня, с другой. Где-то в центре располагались те, кто верил, что когда-нибудь, в неопределенном будущем, музеология все же сможет достигнуть статуса науки. Можно заметить, что ответ на данный вопрос будет зависеть от того, что именно отвечающий понимает под наукой, и для большинства специалистов по философии науки музеология никогда не сможет считаться наукой в том смысле, в каком ею являются физика или химия. Хотя весь этот спор и кажется слегка схоластическим, сама проблема сохраняет актуальность из-за своей связи с весьма практическими трудностями, возникающими перед многими музеологами: в первую очередь, следует упомянуть о подготовке будущих музейных работников, а так же определении и организации самого музейного дела. Вплоть до конца 1960-х гг. (а отчасти еще и в 1980-е гг.) музейные профессионалы должны были самостоятельно учиться своему делу. Взрыв рождаемости, возросшая потребность в высшем образовании, сопутствующие им развитие и все большее усложнение музейного мира приоритетным сделали учреждение формальных моделей подготовки. Логика этого процесса была очевидной для всех, и стало ясно, что такая подготовка лучше всего может проводиться в академическом пространстве – пространстве университетов, которые наиболее полно могут реализовать предъявляемые к ней практические и теоретические требования (На самом деле, были и исторические прецеденты такого рода, скажем, курсы по музейным исследованиям в Гарварде в 1920-е гг.). При этом позиция, которую занимала эта новая область исследований в общих рамках университетской структуры, в разных странах была разной. Американская и британская образовательные системы могли легко принять такие новые сферы, как «культуральные исследования» (cultural studies) или «музейные исследования» (museum studies), видя в них комбинацию уже утвердившихся дисциплин (социологии, антропологии, семиотики или истории). В континентальной Европе сложилась иная ситуация. Здесь, как правило, требовали, чтобы музеологию признали в качестве самостоятельной дисциплины или же субдисциплины в рамках какой-либо уже утвердившейся дисциплины или науки. Но с чем ее можно было связать? В некоторых странах курсы по музеологии читались на кафедрах истории искусства, в других – на кафедрах, посвященных естественным дисциплинам, в третьих – на исторических факультетах. Предпринимались попытки отнести ее к числу информационных дисциплин (наука, которая в тот период была еще молода и признавалась отнюдь не всеми).

Одна из причин, по которым работа П. ван Менша все еще может представлять интерес, заключается в детальном объяснении того контекста (особенно – международного контекста ИКОФОМ), в котором происходило это формирование области музеологии. Классификация, которую он предложил в 1992 г. для различных подходов к пониманию термина «музеология», не имела прецедентов и сохраняет свое значение до сих пор; из нее видно, какой неопределенной была вся эта сфера, простиравшаяся от чрезвычайно интуитивного и обобщенного подхода сторонников «музейной науки» и до гораздо более сложно выстроенных положений З. Странского, считавшего, что эта наука исследует особое отношение человека к его внутренней и внешней реальности.

Тщательно изучив имеющуюся литературу, П. ван Менш предложил не просто способ понимания и структурирования музеологии как научной дисциплины, но, что особенно важно, способ музеологического мышления, результатом которого стала уникальная музеологическая методология. В центре этой системы находится предмет как носитель данных, со всеми его многочисленными этапами жизни и уровнями информации. Что, в конечном

счете, изучают кураторы? Большинство предметов – не совсем то, что мы о них думаем. Как сформулировал это однажды К. Хадсон: «тигр в музее – это не тигр, а тигр в музее». У любого предмета есть собственная, очень богатая история; начиная от замысла и далее через множество жизней: использование, повторное использование, новое использование после этого повторного, забвение, открытие и т.д. Эта история необязательно завершается, когда предмет, попадая в музей, начинает там (частично) сохраняться, реставрироваться, выставляться в том или ином контексте, оказывается спрятанным или иногда уничтожается. Что именно мы должны сохранять? Какую часть предмета следует хранить? Что и почему надо изучать? П. ван Менш убедительно показал, что большинство ученых ограничивается лишь несколькими, вполне традиционными уровнями смыслов, которыми обладают предметы. Как правило, эти смыслы связаны с первыми этапами производства данных предметов. То, каким образом предмет попадает в музей – музееализация – находится в центре музеологической системы. Поэтому именно музееализация и структурирует различные функции музея. Модель таких функций, которую предлагает П. ван Менш – сохранение, изучение, коммуникация – получила широкое признание среди музеологов (см., напр., структуру: Desvallées, Mairesse ed. 2011). Но сама музееализация – отнюдь не так невинна, как может показаться на первый взгляд. Попадая в музей, предмет больше не является тем же самым предметом, которым он был раньше, он становится моделью, похищенной из мира реальности первого порядка. Музей – часть этой реальности *только* как музей, иными словами, его отношение к предмету есть отношение музееальности. Оказываясь в музее, предметы подвергаются множеству интерпретаций: одни возникают в ходе музееализации, другие в процессе изучения и экспонирования (это интерпретации кураторов), третьи – когда на эти предметы смотрят посетители. В таком контексте изучение музейных предметов очень часто может сказать нам больше не о самих этих предметах, а о нас, о том, как мы воспринимаем музей.

Будущее музеологии?

Концептуальные рамки, которые П. ван Менш предложил в 1992 г. и затем постоянно детализировал в статьях, написанных после завершения диссертации, стали важной отправной точкой для понимания множественности взаимодействий предмета, музея как института и тех контекстов (его истории, музейной профессии, политического и экономического контекста и т.д.), в которых этот институт реализует свои функции. Конечно же, музейный мир значительно изменился после 1992 г.: распространение глобализации, рост капитализма во всем мире, появление БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), рост экономического и культурного влияния Азии, а так же поразительные успехи в области информационных технологий и виртуального пространства, связанные, например, с интернетом, серьезно и радикально изменили контекст, в котором музеям приходится определять и реализовывать свои функции.

Но то особое отношение человека к реальности, идею которого развивали З. Странский или другие члены ИКОФОМ, и которое было осмыслено П. ван Меншем, имело место не только в современных музеях начала 1990-х гг. Эта модель продолжает оставаться актуальной, т.к. начинала она отнюдь не с музея, а предполагала гораздо более широкую перспективу, включающую античные тезаурусы, ренессансные кабинеты редкостей или современные виртуальные музеи (о которых автор, конечно, не писал в своей диссертации по той простой причине, что тогда их еще не существовало). Эти новые электронные

места наследия (*lieux de mémoire*) в Интернете – всего лишь один из множества музеологических институтов, призванных отвечать за материальное освоение нашего окружения и сохранение нашего наследия (van Mensch 2005). Музеи могут исчезнуть, но музеологический способ мыслить, свойственный человеку, останется. Возможно, останется на века.

Однако музейный мир со своим контекстом развивается, и музеология как дисциплина изменяется вместе с ними. Думаю, что именно благодаря своему образованию (а у него есть ученые степени в области археологии и зоологии) П. ван Менш, как и, например, американец Джордж Браун Гуд², придает такое большое значение экосистемам и взаимосвязям, контексту, в котором находится предмет, будь то контекст музейный или музеологический. В этой связи П. ван Менш (как и И. Мароевич) всегда подчеркивал те тесные связи, которые существуют между музеями и другими институтами наследия (van Mensch в: Mizushima ed. 2004), такими как библиотеки или архивы. То же самое можно сказать и о такой группе представителей заинтересованной стороны как *stakeholders* (теми, кто множеством связей соединят музеи с их, понимаемыми в самом широком смысле, сообществами). Для Д. Брауна Гуда, равно как и для П. ван Менша, принципиально важно, размышляя о возможном будущем музеев, иметь в виду этот широкий контекст взаимосвязей. И здесь пищу для размышлений предлагает нам дарвиновская теория эволюции, содержащая множество примеров вымирания различных видов, от динозавров и разных млекопитающих до дронтов. Она подтверждает, что отнюдь не всегда к изменяющемуся (иногда – резко изменяющемуся) окружению лучше всего адаптируется самый большой, самый сильный или предположительно лучше всего сложенный. Но если это может быть верно для музеев, это же может быть верно и для музеологии.

Даже если музеи никогда прежде и не были столь популярны, как сегодня, это еще не гарантирует будущего музеологии. На самом деле, я бы сказал, что все вполне возможно как раз наоборот. Некоторые музеи, такие, как, например, Музей Гуггенхайма, Лувр или Эрмитаж, являются важными факторами экономического развития (Freu, Meyer в: Ginsburgh, Throsby ed. 2006; Werner 2005), но сама их природа меняется: от классических музеев в сторону масштабных туристических аттракционов и бизнес-проектов. При этом новые концепции таких музеев могут все чаще оставлять за бортом новых и новых кураторов, музейщиков и музеологов, предпочитая им топ-менеджеров, экспертов в области городского планирования или туризма. Фокус внимания некоторых крупных музеев определенно смещается с предметов и идей в сторону архитектуры и управления потоками приносящих прибыль клиентов. Вполне возможно, что из всего этого может возникнуть еще одна «новая музеология». Но ее будут преподавать уже не на кафедрах «традиционного» музейного дела или музеологии, а в школах экономики или на факультетах городского планирования.

Французский социолог Бруно Латур недавно предложил новую перспективу для изучения того, как развиваются научные дисциплины³. Традиционный подход – которому следовал, например, З. Странский – предполагал изучение формирования науки, исходя из ее внутренних структур (собственный предмет познания, язык, некоторые специфические методы исследования и т.д.). С этой точки зрения, все то, что было достигнуто за последние полвека, должно было последовательно помочь музеологии развиваться в настоящую,

² Д. Браун Гуд – автор работы, которая мне представляется первым современным музеологическим трактатом: Brown Goode 1896.

³ Чрезвычайно важную библиографию, которую приводит Б. Латур, см., напр.: Latour 2001.

самостоятельную дисциплину, при помощи которой можно было бы направлять и определять музейную работу. Однако мы знаем, что эта концепция предлагает слишком упрощенный взгляд на положение дел. Она не работает. Для Б. Латура все эти усилия дают лишь возможные «рамки», в которые помещаются гораздо более важные проблемы. 1) Первую Б. Латур называет «мобилизацией мира». Она охватывает все инструменты, коллекции, экспедиции или опросы, которые используются для накопления знаний о данной дисциплине. Если говорить с точки зрения музеологии в строгом смысле этого слова (именно музеологии, а не музейных коллекций, привлекающих внимание других научных дисциплин), результаты покажутся весьма скромными: не так уж много существует музеологических лабораторий и крупных музеологических библиотек (во всем мире их не больше дюжины, ср. это с сотнями аналогичных институтов, посвященных социологии или кинематографии), очень мало серьезных баз данных или «музеев, посвященных музеям» и т.д. 2) Вторая по Б. Латуру – это «исследовательская мощь», смесь профессионализации сектора, организации международных конгрессов и т.п. Сектор должен иметь возможность свести вместе определенное количество коллег, необходимое для формирования подлинного собрания, в котором они могли бы сообща работать (будучи объединенными в сети), читать и критически разбирать статьи друг друга. Даже в рамках ИКОМ такие специализированные международные группы, как ИКОФОМ или ИКТОП не составляют подлинной платформы, которая могла бы стимулировать широкий и критический обмен мнениями. Подлинно «научную» периодику по музеологии (регулярно выходящие журналы, с двойным слепым рецензированием, включенные в индексы цитирования) можно пересчитать по пальцам одной руки. 3) Научная дисциплина не может развиваться в одиночестве; ей нужны союзники. Б. Латур подчеркивает важную роль, которую в этом развитии играют промышленность, армия, политики и т.д. В связи с этим мы можем вспомнить, что некоторые из «друзей» музеев, которые так много сделали в последние годы для развития этих институций, также теснее связаны не с кураторами или музеологами, а с теми, кто действует на политической сцене: конечно же, не развитие музеологии является целью менеджеров, специалистов в области городского планирования или политиков, а музеи, которые они «покупают» или которым помогают, весьма далеки от музеев, заботящихся о предметах как носителях данных. Наконец, 4) Б. Латур считает, что важным ресурсом для принятия (и – в конце концов, финансовой поддержки посредством налогов или щедрых даров) публикой той или иной дисциплины являются связи с общественностью и умение привлекать к себе внимание. В некотором смысле, этот последний пункт, с учетом того, что музеи, судя по всему, становятся все популярнее, можно занести в актив музеологам. Однако же популярности музеев недостаточно для ускорения развития музеологии.

Подход Б. Латура может показаться циничным, но он дает нам общее представление о том, какие именно усилия следует предпринять для того, чтобы музеология стала признанной на международном уровне дисциплиной. Однако – так ли уж это важно? На самом ли деле существенно, чтобы за музеологией признали статус самостоятельной науки? Для тех, кто будет участвовать в подготовке будущих музейных работников, это вполне может быть важно. И факт остается фактом: англосаксонская школа музейных исследований, хотя и не основывающаяся на какой-то особой методологии, достаточно эклектичная и прагматичная, все еще обладает в музейном мире аудиторией, значительно превосходящей те, которыми могут похвастаться все прочие подходы к пониманию музеев. Из-за своего британского происхождения, хотя и не являясь «музеологической», область музейных

исследований значительно более тесно связана с академическим миром, чем музеология. В этом отношении, будущее музеологии все еще остается открытым, и можно предположить, как минимум, три возможных сценария развития событий. Во-первых, музеология может исчезнуть, как это произошло в XIX в. с библиологией (она должна была стать наукой о книге (Reignot 1802), но в итоге таковой стало гораздо более ориентированное на практику библиотековедение, а этот термин сейчас используют применительно к библейским исследованиям). Это не означает, что исчезнут сами музеи или связанная с ними критическая мысль, просто та особая и самостоятельная система, которую описывает Б. Латур (а отчасти и П. ван Менш), так никогда полностью и не разовьется. Во-вторых, музеология может продолжать свое существование в весьма скромных и ограниченных масштабах. В конечном счете, как следует из естествознания, не всегда самый большой или самый сильный лучше всего приспособлены для выживания. А в нашем сложном мире, особенно во времена грандиозных перемен, решающим для выживания может оказаться умение адаптироваться. В-третьих, музеологи могут все-таки добиться распространения собственной логики на область музейных исследований. Это произойдет не сегодня и не завтра, ведь принимаемые многими специалистами континентальной Европы и Латинской Америки идеи, которые и составляют суть музеологии, с огромным трудом получают распространение в США и Канаде, однако перемены всегда возможны.

Хотя мне и нравится, воспользовавшись такой возможностью, порассуждать о будущем, я никогда не стану примерять на себя роль футуролога и предсказывать возможное будущее музеологии. Однако должен признаться, что мне, как и большинству музеологов, очень бы не хотелось, чтобы эта дисциплина вдруг исчезла. Последние два из описанных выше сценариев остаются вполне реальными, но развитие событий в первую очередь зависит от самих музеологов и от тех коллективных стратегий, которые они будут развивать, встречаясь друг с другом, совместно работая и устанавливая все более и более тесные связи со своими коллегами и другими людьми. Взгляды П. ван Менша, базирующиеся как на биоэволюционной, так и на музеологической перспективах, могут быть особенно стимулирующими в таком контексте. Если его теория начинается с предмета как носителя данных в предлагаемой аналитической системе, она обещает оказаться весьма гибким инструментом. Его способ осмысления музеологии остается совершенно органичным и живым, связанным не только с вечно изменчивым контекстом музея, но и с музейными работниками, а так же музеологами, вовлеченными в процесс сохранения музеев в живом состоянии.

Информация о главе

Автор: Франсуа Мересс – Ph.D., профессор, Университет Новая Сорбонна, директор Королевского музея Маримона (2002 – 2010 гг.), президент Международного комитета по музеологии Международного совета музеев (с 2013 г.), Париж, Франция, francois.mairesse@univ-paris3.fr

Заглавие: О будущем музеологии: несколько замечаний к русскому изданию диссертации Петера ван Менша.

Абстракт: П. ван Менша можно назвать первым «глобальным» читателем музеологической литературы в современном музейном мире. Знание нескольких языков вместе с широкими международными контактами дали ему возможность познакомиться с таким количеством специализированной литературы, которое было просто недоступно другим музеологам и музейным кураторам. Именно благодаря этому ему удалось предложить органический синтез наработок «восточноевропейской», «французской или латинской» и «англо-саксонской» школ. Одна из причин, по которым работа П. ван Менша все еще может представлять интерес, заключается в детальном объяснении того кон-

текста (особенно – международного контекста ИКОФОМ), в котором происходило формирование музеологии. Классификация, которую он предложил для различных подходов к пониманию термина «музеология», не имела precedентов и сохраняет свое значение до сих пор; из нее видно, какой неопределенной была вся эта сфера, простиравшаяся от чрезвычайно интуитивного и обобщенного подхода сторонников «музейной науки» и до гораздо более сложно выстроенных положений З. Странского. Тщательно изучив имеющуюся литературу, П. ван Менш предложил не просто способ понимания и структурирования музеологии как научной дисциплины, но, что особенно важно, способ музеологического мышления, результатом которого стала уникальная музеологическая методология. В центре этой системы находится предмет как носитель данных, со всеми его многочисленными этапами жизни и уровнями информации. То, каким образом предмет попадает в музей – музеелизация – находится в центре музеологической системы. Поэтому именно музеелизация и структурирует различные функции музея. Модель таких функций, которую предлагает П. ван Менш – сохранение, изучение, коммуникация – получила широкое признание среди музеологов. Концептуальные рамки, которые П. ван Менш предложил в 1992 г. и затем постоянно детализировал в статьях, написанных после завершения диссертации, стали важной отправной точкой для понимания множественности взаимодействий предмета, музея как института и тех контекстов (его истории, музейной профессии, политического и экономического контекста и т.д.), в которых этот институт реализует свои функции.

Ключевые слова: ИКОФОМ, музей, музеология, Петер ван Менш.

Information on chapter

Author: François Mairesse – Ph.D., Professor at the New Sorbonne University, Director of the Royal Museum of Mariemont (2002 – 2010), President of the ICOM International Committee for Museology (from 2013 onwards), Paris, France, francois.mairesse@univ-paris3.fr

Title: On the future of museology: Some notes to the Russian translation of Ph.D. thesis by Peter van Mensch.

Abstract: Peter van Mensch may be counted as the first “global” museology reader of the modern museum world. His knowledge of several languages, combined with his international network of associates gave him access to a larger body of literature than most other museologists or museum curators could be familiar with. This allowed him to propose a genuine synthesis between the “Eastern school”, the “French or Latin school” and the “Anglo-Saxon school” of museology. One of the interests of P. van Mensch’s essay is precisely to explain the context of this emerging field of museology, especially within the ICOFOM international context. The classification he proposed in 1992 for the different meanings of the term was unprecedented at the time and remains important; from it we see clearly how fuzzy the field appeared between the very intuitive and general approach of “museum science” and the more complexly articulated propositions of Z. Stránský. After a deep review of the literature, van Mensch proposed a way of conceiving and structuring museology, not just as a discipline but above all as a museological way of thinking, resulting in a uniquely museological methodology. At the centre of this system is the object as data carrier with multiple life stages and layers of information. The way objects enter the museum – musealisation – is at the centre of the museological system. For it is musealisation that somehow structures the museum functions. The P. van Mensch model of museum functions – preservation, research, communication – has been widely adopted by museologists. The conceptual framework that P. van Mensch proposed in 1992, and constantly refined in the many articles he has written since his PhD, has become a valuable point of reference for understanding the multiple interactions that take place between the objects, museums as institution, and the contexts (their history, the museum profession, the political and economical context, etc.) in which they perform their function.

Key words: ICOFOM, museum, museology, Peter van Mensch.

Использованная литература

Brown Goode, G. (1896) ‘The principles of museum administration’, in: Report of Proceedings with the papers read at the sixth annual general meeting, held in Newcastle-upon-Tyne, July 23rd – 26th (London): 69-148.

Desvallées, A.; Mairesse, F. ed. (2011) ‘Dictionnaire encyclopédique de muséologie’ (Paris).

Frey, B.; Meiers, S. (2006) ‘The Economics of Museums’, in: V. Ginsburgh, D. Throsby ed., Handbook of the Economics of Art and Culture (Amsterdam) Vol. 1: 1017-1050.

- Hudson, K. (1997) 'Who are the 'museologists' and for whose benefit do they exist?', in: Z. Z. Stránský ed., *Museology for Tomorrow's World* (München): 102-110.
- Latour, B. (2001) 'Le métier de chercheur. Regard d'un anthropologue' (Paris).
- Mensch, P. van (1989) 'Museology as a scientific basis for the museum profession', in: P. van Mensch ed., *Professionalising the Muses* (Amsterdam): 85-95.
- Mensch, P. van (1991) 'Methodological museology; or, toward a theory of museum practice', in: S. Pearce ed., *Objects of Knowledge* (London): 141-157.
- Mensch, P. van (2005) 'Annotating the environment. Heritage and new technologies', *Nordisk Museologi*, 2: 17-27.
- Mensch, P. van. (2004) 'Museology and management: enemies or friends? Current tendencies in theoretical museology and museum management in Europe', in: E. Mizushima ed., *Museum management in the 21st century* (Tokyo): 3-19.
- Museological working papers, 1980, 1; 1982, 2.
- Peignot, G. (1802) 'Dictionnaire raisonné de bibliologie' (Paris), 3 vol.
- Washburn, W. E. (1967) 'Grandmotherology and museology', *Curator* 10 (1): 43-48.
- Werner, P. (2005) 'Museum, Inc.: Inside the global Art World' (Chicago).